

Жизнь для
Комсомолец
Кузбасса

Быть разным и оставаться собой

Вчера на экранах телевизоров он был пламенным революционером Иваном Бабушкиным, сегодня — ярким врагом революции полковником врангелевской контрразведки Самохваловым («Берега в тумане...»), а завтра...

— Завтра, — заслуженный артист РСФСР Алексей Жарнов — улыбается, — я буду в самолете, потому что вечером у меня спектакль. Творческие встречи с кинозрителями, их реакция на нашу работу важны и необходимы. Особенно если выпала честь представлять у вас в Кузбассе такую ленту, как «Берега в тумане...», а это серьезная работа видного советского режиссера Юлия Карасина, совместное производство «Мосфильма» и болгарской киностудии «Бояна». Но я прежде всего — актер театральный, и мой дом — Московский театр имени Ермоловой.

Кстати, с театром я был на гастролях в Кемерове почти десять лет назад. Я тогда играл главную роль в спектакле «Ван Гог», созданном по пьесе венгерского драматурга Матуше, и ваш прекрасный художник Юргис Прейс, побывав на спектаклях, нарисовал мой портрет в этой роли. Портрет получился замечательный. Я понимаю, что моей заслуги в этом мало. Главное здесь было — жизнь и душа неистового голландца, чья судьба, в которую я буквально встал, держала меня годами.

— Вы считаете себя актером театральным. Однако широкую известность принесла вам работа в кино. Ведь только за последние два-три года вы снялись в таких фильмах, как «Торпедоносцы», «Парад планет», «Мой друг Иван Лапшин», «Вина лейтенанта Некрасова»... Что же значит для вас кино?

— Кино — особый вид искусства, но именно его специфика обогащает мою профессию. У современного кинематографа есть колоссальные возможности углубленного взгляда в человеческую психологию.

Моим «крестным отцом» в кино был замечательный режиссер Марк Донской. Мне было двенадцать лет, и я с удовольствием занимался художественной самодеятельностью во Дворце пионеров. И там, на большом праздничном концерте, когда я с упоением читал «Гармонь» Твардовского, меня «углядели» и сняли в чудесном фильме «Здравствуйте, дети!». А после окончания школы-студии МХАТа, работая в театре, где-то с конца 70-х годов я начал часто сниматься в кино.

— Алексей, вы попали в число актеров, за работой которых сейчас пристально следят зрители, и критика, и режиссеры. Вас это радует?

— Радует, безусловно. Можно говорить о везении

— это великая вещь. Но везение, считаю, я выстрадал работой. Мои герои — Воронов в «Ночном происшествии», Пашка — в «Трижды о любви», Олежек — в «Гражданине Лешке», особенно Николай в фильме «Познавая белый свет» — в разной степени давали мне возможность обобщать свое личное понимание многих жизненных проблем и вкладывать его в экранный

Бытует мнение, что массовый зритель эти фильмы смотреть не готов, что они сложны для восприятия и просто-напросто непонятны. Тот же «Иван Лапшин», о котором столько было сказано и в прессе, и устно.

— Фильм прекрасен. Киноведы уже придумали ряд терминов, определяя художественную манеру Алексея Германа, я не буду в это вдаваться. Мы все ра-

— Выстраивая рисунок сложных ролей, таких, допустим, как Черепец в «Торпедоносцах» или Слонов в «Параде планет», вы опираетесь на собственную интуицию или на концепцию режиссера?

— Чаще всего работа идет параллельно. К тому же рядом партнеры. От которых многое зависит. В «Параде планет» я встретился с такими профессионалами, как Олег Борисов, Сергей Шакуров.

Вот мой Черепец. Первое впечатление: комичен, неуклюж, вечно понадевает вприсак Аранович, разглядывая жизнь на войне через суровую и сдержанную прозу Юрия Германа, ведет фильм и его героев к трагическому финалу. И какую взрывчатую эмоциональную силу таит в себе это внешнее спокойствие! И я, играя Черепца, постоянно помню, что его ждет гибель, и трагизм, сначала едва заметно проступая, усиливается к финалу. И мы с режиссером оказываемся единомышленниками, акцентируя внутреннее движение характера, а не его внешние проявления.

— Вас трудно порой узнать — настолько не похожи друг на друга ваши герои, а они — на вас. Чего бы вы хотели пожелать вашим героям, сегодняшним и будущим, и себе самому?

— Мои герои на экране живут самостоятельной жизнью. Здесь, как говорится, ни убавить, ни прибавить. Тепло и трепетно отношусь к своим героям на сцене: шукшинским «чудикам» в спектакле «Товарищи-граждане», к Зилову в «Утиной охоте» Вампилова, горжусь Ван Гогом. Моя последняя работа в театре — роль первого секретаря райкома партии Мартынова в спектакле «Говори...», поставленном главным режиссером Валерием Фокиным. Эта пьеса Буравского создана по мотивам очерков «Районные будни» и страстица биографии писателя Валентина Овечкина.

Мартынов — подлинный положительный герой времени, по которому так вздыхает современное искусство.

На телевидении снимаюсь в четырнадцатисерийном фильме «Жизнь Клима Самгина», который ставит режиссер В. Титов по роману-эпопее Горького. Я играю интересную роль фабриканта Лютова.

А себе я пожелал «быть как и каждому из нас, независимо от профессии глубины познания и реализации собственных сил, хотя бы наполювину из того, что нам всем дано».

Л. ОЛЬХОВСКАЯ.
Фото А. Блотникова.

*Читайтесь, Кемеровцы
Кузбасса —
Самые добрые и теплые
сердце, любви, усердие
во всех ваших делах!*
А. Жарнов

образ И. наверное, кое-что получалось, потому что последовали предложения сниматься в картинах режиссеров высокого класса, какими являются Семен Аранович, Кира Муратова, Вадим Абдрашитов, Алексей Герман.

— Вы называли имена режиссеров, чьи картины постоянно попадают в разряд так называемых «трудных».

ботали с восторгом — актеры, оператор Федосов, художник Пугач. Люди, которых мы, даже нет, не играли, а чьими жизнями мы жили, удивительны. Лапшин, Западоров, мой Окошнин — с их всепоглощающей верой в идеалы революции, с готовностью пожертвовать всем во имя идеи, и с романтизмом чистейшей пробы...